Непосредственный объект преступления при незаконном обороте порнографических материалов или предметов: сравнительно правовое исследование (Россия, Германия, Франция)

Костин Николай Антонович
студент бакалавриата, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королёва, kostynnykolai04@gmail.com

В статье исследуется проблема определения непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 242 УК РФ, устанавливающий ответственность за незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов. Автор исходит из того, что традиционное понимание объекта как общественной нравственности либо половой морали отличается чрезмерной широтой и неопределенность, что отражается и в конструкции объективной стороны состава преступления, фактически охватывающей любой незаконный оборот порнографии. На основе анализа отечественных доктринальных подходов обосновывается необходимость более точного установления пределов уголовно-правового запрета с учетом принципа соразмерности ограничения прав и свобод. Особое внимание уделяется сравнительно-правовому исследованию законодательства Германии и Франции, где уголовная ответственность связывается не с самим фактом оборота порнографических материалов или предметов, а с конкретными обстоятельствами деяния. По итогам исследования предлагается сохранить общественную нравственность в качестве непосредственного объекта ст. 242 УК РФ, но конкретизировать ее содержание через признаки объективной стороны, включая механизм согласия или истребования порнографического материала или предмета совершеннолетним получателем.
Ключевые слова: pornography, object of crime, Germany, France, criminal law, Article 242 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Введение

Проблематика уголовно-правовой охраны общественной нравственности в сфере незаконного оборота порнографических материалов в последние годы сохраняет высокую актуальность. Так, согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ (в обработке Агентства правовой информации "Апи-Пресс"), количество приговоров по ст.242 УК РФ следующее: 2016 год – 187, 2017 – 203, 2018 – 236, 2019 – 220, 2020 – 199, 2021 – 184, 2022 – 230, 2023 – 317, 2024 – 394. Данная норма предусматривает ответственность за незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов, однако содержание ее непосредственного объекта в доктрине уголовного права остается спорным [3, ст.115-116]. Это обусловлено тем, что категория «общественная нравственность» носит оценочный характер и не имеет легального определения. Если обратить внимание на статистику, то особенно заметное увеличение фиксируется после 2021 года, что свидетельствует о возрастающей интенсивности правоприменения и, следовательно, о необходимости более точного теоретического осмысления пределов уголовно-правового запрета. Вместе с тем рост количества приговоров не снимает принципиального вопроса: что именно охраняет ст.242 УК РФ? В научной литературе непосредственный объект данного преступления нередко определяется по-разному: как общественная нравственность в целом [8, ст.118; 10, ст.471], как отношения в сфере половой морали [11, ст.46], так и вовсе встречается мнение, что данное преступление следует относить к преступлениям против половой свободы личности [2, ст.54]. Подобная множественность подходов свидетельствует о том, что содержание непосредственного объекта нуждается в дополнительной конкретизации. В условиях, когда российская уголовно-правовая доктрина оперирует оценочной категорией «общественная нравственность», представляется затруднительным установить точные границы охраняемого блага исключительно на основе внутреннего правового материала. В этой связи сопоставление с зарубежными правопорядками, в которых уголовно-правовая охрана в рассматриваемой сфере строится на более конкретизированных основаниях, позволяет уточнить содержание непосредственного объекта. Выбор Германии и Франции для сравнительного исследования обусловлен их принадлежностью к континентальной правовой семье, высоким уровнем развития уголовно-правовой доктрины и репрезентативностью для европейских моделей правового регулирования. Анализ указанных правопорядков позволит выявить различные концепции уголовно-правовой охраны в сфере порнографического оборота.

Проблема настоящего исследования заключается в отсутствии единообразного понимания содержания непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст.242 УК РФ, а также необходимости сопоставить российскую модель уголовно-правовой охраны с зарубежными подходами для определения ее специфики и пределов. В этой связи сравнительно-правовой анализ России, Германии и Франции позволяет не только уточнить теоретическое содержание непосредственного объекта, но и выявить отличия между отечественным и зарубежным опытом.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовно-правовой охраны нравственности в рамках оборота порнографических материалов.

Предмет исследования составляют нормы уголовного законодательства России, Германии и Франции, а также доктринальные подходы к определению непосредственного объекта преступления в указанной сфере.

Целью настоящего исследования состоит в определении содержания непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст.242 УК РФ, посредством сравнительно-правового анализа законодательства России, Германии и Франции. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Раскрыть теоретические подходы к пониманию непосредственного объекта ст.242 УК РФ.
2. Проанализировать особенности уголовно-правового регулирования незаконного оборота порнографических материалов в Германии и Франции.
3. На основе выявленного зарубежного опыта разработать предложения по уточнению границ непосредственного объекта ст.242 УК РФ.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляют как общенаучные методы познания в виде индукции, дедукции, анализа и синтеза, так и специальные методы в виде сравнительно-правового и формально-юридического при изучении уголовного законодательства России, Германии, Франции, а также доктринальных подходов и мнений правоведов.

Литературный обзор

Степень научной разработанности данной темы характеризуется наличием различных подходов к определению непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст.242 УК РФ. В работах А. В. Наумова и Р. Д. Шарапова данный состав рассматривается преимущественно в контексте охраны общественной нравственности. М. М. Дайшутов, Ж. А. Бойцова и Л. Н. Ивлева обращают внимание на дискуссионность объекта данного преступления и необходимость его дополнительного осмысления. М.В. Гусарова предлагает иной подход, связывая рассматриваемое деяние с преступлениями против половой свободы личности и обосновывая необходимость частичной декриминализации оборота порнографии. Проблемы уголовно-правового противодействия современным формам оборота порнографии также исследуются в работах А. И. Фонштейн, а вопросы охраны общественной нравственности и духовно-нравственных ценностей в трудах Ф. В. Чиркова.

Результаты

В российской уголовно-правовой доктрине вопрос о непосредственном объекте преступления, предусмотренного ст.242 УК РФ, не получил единообразного решения. В литературе встречаются различные подходы: одни связывают непосредственный объект с общественной нравственностью в целом [8, с118; 10, с.471], то есть фактически видовой и непосредственный объекты совпадают в данном случае, другие относят его к половой морали [11, с.46], а третьи вовсе считают, что непосредственным объектом данного преступления является половая свобода личности [2, с.54]. Само по себе наличие нескольких конкурирующих позиций свидетельствует о том, что содержание непосредственного объекта в рассматриваемой норме остается дискуссионным.

Наиболее распространенным и одновременно самым широким является понимание непосредственного объекта в виде общественной нравственности в целом. Однако категория «общественная нравственность» не только не имеет легального определения, но также не имеет единого доктринального понимания в виде существенно отличающихся друг от друга мнений правоведов, Данные проблемы возникают из за оценочности характера самого определения понятия «нравственность» и его «общественности» [8, с.32-34]. Обоснование непосредственного объекта ст.242 УУ РФ через «общественную нравственность» неизбежно требует обращения к лингвистическому толкованию данного термина, так как правовая неопределенность категории создает риски произвольного применения закона. С.И. Ожегов понятие «нравственность» определяет как «внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами» [7]. Отсюда следует, что нравственность для конкретного человека может отличатся от нравственности другого человека. В то во время «общество» С.И. Ожегов определят по разному, но из всех определений можно выявить общие черты: во первых, это совокупность людей, во вторых, они чем либо объединены (целью, условиями, социальными факторами и тд), либо же это может быть среда людей, компания. Следовательно, категория «общественная нравственность» представляет из себя совокупность неких внутренних, духовных качеств, а также этических норм, правил поведения, определяемых этими качествами, которые присущи конкретному человеку, совокупность которых определяет нравственность всего общества. С точки зрения А.И. Фонштейн и Ф.В. Чиркова, понимание «общественной нравственности» представляется как общая идейная платформа, своего рода «средний стандарт» поведения, принятый большинством в обществе [8, с.33; 9, с.20-21]. Но в части этого общества могут быть люди, отличающиеся своим представлением о нравственности, то есть меньшинство, таким образом и общественная нравственность может быть неоднородной. Например, российское общество, в виде его многонационального народа, может иметь различные представления о нравственности. Такой феномен как многожёнство, который для исламской части нашего народа естественен и нравственен, для остальных может выходить за рамки нравственного. Относительно к обороту порнографии это означает, что по мнению законодателя общественная нравственность, то есть нравственность совокупности людей, относиться к порнографии негативно, а значит её оборот в рамках общества является общественно опасным, следовательно необходимо установить уголовно-правовую норму, запрещающую ее оборот, а в свою очередь нарушение этой нормы является основанием для уголовной ответственности в виде ограничения прав и свобод человека и гражданина, прежде всего предусмотренных ст.23 Конституции. В таком случае возникает вопрос, а что если у нас есть группа людей внутри общества, иными словами меньшинство, если исходить из мнений А.И. Фонштейн и Ф.В. Чиркова, нравственность которых не считает порнографию чем-то негативным, а следовательно ее оборот между ними не является общественно опасным? Законодатель на этот вопрос никак не отвечает, устанавливая уголовную ответственность за любой оборот порнографии, даже в рамках того общества, в котором её оборот не является общественно опасным. Если государство устанавливает такой уголовный запрет на действия, которые не являются общественно опасными, то нарушается ч.3, ст.55 Конституции, закрепляющая, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только в той мере, в какой необходимо в целях защиты конституционно значимых ценностей, в том числе нравственности. В данном случае нет никакой необходимости для защиты такой ценности как нравственность, поскольку она никак не страдает, а значит и ограничение конституционных прав граждан в рассматриваемом случае безосновательно и незаконно. Представленная точка зрения, которая определяет непосредственный объект в ст.242 УК РФ в виде общественной нравственности в целом, предлагает опасное обоснование уголовно правового запрета, который в свою очередь является крайне широким и устанавливает уголовную ответственность даже за те случаи оборота, которые по своему существу не являются общественно опасными.

Другая точка зрения считает, что непосредственным объектом данной статьи является половая мораль. Если снова обратиться к С.И. Ожегову, то «пол» он определят как «каждый из двух генетически и физиологически противопоставленных разрядов живых существ (мужчин и женщин, самцов и самок), организмов». А «мораль» как «нравственные нормы поведения,

отношении с людьми, а также сама нравственность». Таким образом, половая мораль может быть понята как совокупность нравственных норм, регулирующих поведение людей в сфере половых отношений и определяющих допустимые с точки зрения общества модели такого поведения. Иначе говоря, в рамках данной позиции уголовно-правовой охране подлежит не общественная нравственность, а именно те общественные представления, которые связаны с интимной сферой сексуального характера. Такой подход, по сравнению с предыдущим, выглядит более конкретным, поскольку позволяет сузить охраняемое благо и точнее обозначить сферу действия уголовно-правового запрета. Иначе говоря, половая мораль это проявление общественной нравственности, её более узкое понимание, охватывающее отношения между полами. При таком подходе у нас сохраняется прежняя проблема: нравственные представления в сфере половых отношений также являются оценочным и неоднородными, а значит их содержание может различаться у разных групп и отельных лиц. Следовательно, вопрос о точных границах охраняемого блага сохраняется.

Третья точка зрения предлагает относить ст.242 УК РФ к преступлениям против половой свободы личности, однако и этот подход вызывает существенные трудности. Представляется, что половая свобода личности предполагает возможность самостоятельно и свободно определять свое сексуальное поведение, принимать решения в сфере интимной жизни и быть защищенным от принуждения и насилия в данной сфере [10, с.547]. Между тем диспозиция ст.242 УК РФ не затрагивает именно свободу сексуального самоопределения конкретного лица. Речь идет не о посягательстве на чью либо половую автономию, а о воздействии на нравственную сферу неопределенного круга лиц. Это исходит из самой этимологии слова «порнография», а также её лингвистического толкования, из которого следует, что порнография представляет собой изображение или описание половой жизни в грубо натуралистической, откровенно сексуализированной форме, рассчитанное прежде всего на возбуждение интереса к интимной стороне человеческих отношений, а не на вовлечение конкретного лица в отношении полового подчинения или лишение его свободы выбора. [8, с.25-26] Следовательно, объектом посягательства здесь выступает не половая свобода, а иные общественные отношения, связанные с моральной оценкой оборота подобных материалов или предметов. Иными словами, уголовно-правовой запрет в данном случае направлен не на защиту автономии личности в сексуальной сфере, а на охрану определенных нравственных представлений общества. Поэтому отнесение ст.242 УК РФ к преступлениям против половой свободы личности представляется недостаточно обоснованным, поскольку между содержанием диспозиции статьи и родовым объектом этой группы преступлений отсутствует необходимая связь.

Подводя итог анализу отечественных доктринальных подходов, можно констатировать, что определение непосредственного объекта ст.242 УК РФ через категорию «общественная нравственность» (или ее более узкую форму – «половую мораль») создает ситуацию серьезной правовой неопределенности. Эта неопределенность выражается также и в объективной стороне ст.242 УК РФ, которая фактически запрещает любой оборот порнографических материалов или предметов. В результате широкое понимание непосредственного объекта приводит к столь же широкому описанию объективной стороны, поскольку если охраняется общественная нравственность в целом, то преступным может быть признан практически любой оборот порнографии. Широта и оценочность этих понятий позволяют криминализировать оборот порнографии даже в тех случаях, когда он не наносит реального вреда и не нарушает прав конкретных лиц, что вступает в противоречие с конституционным принципом соразмерности ограничения прав и свобод человека и гражданина В то же время попытки связать данный состав с «половой свободой» представляются логически ошибочными, так как преступление посягает не на автономию воли индивида, а на сложившуюся в обществе нравственность. Для выхода из этого «тупика» абстрактных категорий и поиска более точных границ охраняемого блага необходимо обратиться к опыту зарубежных правопорядков. В отличие от российской модели, тяготеющей к универсальному запрету ради защиты нравственности в целом, законодательство Германии и Франции демонстрирует переход к более прагматичным и конкретизированным моделям охраны, где непосредственный объект преступления привязан к защите прав конкретных категорий лиц, что также получает свое отражение в конструкции объективной стороны составов преступлений, запрещающих оборот порнографии. Поэтому обращение к опыту Германии и Франции позволяет сопоставить не только содержание охраняемого блага, но и то, каким образом данный объект выражается в признаках объективной стороны соответствующих составов преступлений.

Перед изучением норм, регулирующих оборот порнографии в уголовном праве Германии следует сказать, что немецкое понимание состава преступления несколько отличается от нашего, отечественного представления. В частности, объект преступления в Германии отсутствует как обязательный элемент состава преступления, он заменяется понятием «правовое благо» (Rechtsgut) [1, с.43-45; 4, с.13]. Данное понятие наиболее сильно напоминает смысл понятия объекта преступления в России как общественных отношений. В Германии «правовое благо» это конкретная ценность или интерес, которые необходимы человеку для нормального существования в обществе. Это может быть жизнь, собственность, а также и «безопасность дорожного движения». Немецкая доктрина более прагматична, так как она защищает не «отношения», а саму возможность пользоваться благом. Именно этот подход обусловил отказ немецкого уголовного права от защиты «нравственности» как самостоятельного объекта охраны. Ярким подтверждением разницы правовых подходов служит структурное расположение норм об обороте порнографии в Уголовном уложении ФРГ (Strafgesetzbuch - StGB). Если ст.242 УК РФ помещена в главу о преступлениях против здоровья населения и общественной нравственности, то соответствующий параграф (так называются статьи в уголовном законодательстве Германии) 184 StGB включен в 13 раздел «Преступные деяния против сексуального самоопределения». Сравнивая ст. 242 УК РФ и параграф 184 StGB следует сказать:

1. Ст.242 УК РФ построена по принципу общего запрета, то есть она криминализирует любые незаконные изготовление и оборот порнографии. Поскольку критерий «законности» такого оборота в российском праве до сих пор не получил четкого нормативного закрепления, под действие статьи подпадает фактически любая форма оборота [2, с.55]. Немецкий § 184 StGB имеет принципиально иной, казуальный характер. Законодатель не запрещает оборот порнографии как таковой, а предлагает исчерпывающий перечень из девяти конкретных ситуаций, в которых этот оборот признается общественно опасным (например, торговля вне помещений, демонстрация в кинотеатрах за плату или почтовый ввоз) [1, с.293].
2. Обе нормы ставят защиту детей в приоритет, однако методы различаются. В УК РФ распространение порнографии среди несовершеннолетних является квалифицирующим составом (ч.2, ст.242 УК РФ). В § 184 StGB возрастные границы дифференцированы: п.1 защищает ли до 16 лет, п.2-5 до 18 лет. Уникальным для российского права является положение абз.2 § 184 которое выводит из под уголовной ответственности лиц, имеющих право на заботу о ребенке, если их действия не носят характера грубого нарушения воспитательных обязанностей. В России же факт ознакомления ребенка с подобным контентом родителем формально может быть квалифицирован по ч.2, ст.242 УК РФ, что свидетельствует о более жестком патерналистском подходе [1, с.293].
3. Наиболее примечательное различие содержится в п.6 § 184 StGB. Немецкий закон признает преступным предоставление порнографии другому лицу только в том случае, если это

сделано «без соответствующего требования (запроса) с его стороны [1, с.293]. В ст.242 воля получателя полностью игнорируется. С точки зрения российского законодателя, «общественная нравственность» страдает при любой передаче порнографии, даже если адресат сам просил об этом в частной переписке. Немецкий подход, напротив, декриминализирует оборот «по требованию», полагая, что в этом случае права и интересы личности не нарушаются.

Отсюда мы можем выделить, что в немецком праве уголовный запрет направлен не на искоренение порнографии, а на защиту личности от навязанного столкновения с ней, а также на охрану несовершеннолетних. В рамках данной концепции оборот порнографии будет считаться общественно опасным только в том случае, если он нарушает право личности на сексуальное самоопределение, в связи с этим и сам уголовно-правовой запрет в § 184 StGB демонстрирует более дифференцированный подход. Таким образом, государство в Германии защищает человека не от порнографии как таковой, а от навязанного сексуального воздействия.

Во Франции преобладает схожий с немецким подход защиты конкретных правовых благ, за той лишь разницей, что во Франции защищаются не «общественные отношения» и «правовые блага», а «охраняемый интерес» (*l'intérêt protégé*), который не является элементом состава преступления, а служит лишь внешним критерием для систематизации норм [12, с.208]. Применительно к незаконному обороту порнографии среди взрослых (аналог § 184 StGB и ст. 242 УК РФ), основной нормой выступает статья 227-24, которая помещена в Титул VII Книги II - «Посягательства на несовершеннолетних и семью». При сопоставлении ст.242 УК РФ и статьи 227-24 *Code pénal* можно сказать: по аналогии с нашей моделью непосредственного объекта, во Франции им является безопасность психического развития несовершеннолетних от навязанного контента, что исходит из смысла диспозиции французского уголовно-правового запрета. В частности, ответственность за оборот порнографии наступает только в случае, если она может быть увидена или воспринята несовершеннолетними. В ином случае оборот порнографии не криминализирован. Интересом обладает статья 226-2-1 *Code pénal,* которая в свою очередь находиться в главае VI: «О посягательствах на личность». Данная норма устанавливает запрет на распространение любых изображений или слов сексуального характера, полученные лицом с явного или предполагаемого согласия лица в частном порядке, если это лицо не дало согласия на их дальнейшую публикацию или пересылку другим. Криминализация деяния здесь зависит от наличия или отсутствия воли изображенного лица на его распространение. Однако, важным моментом здесь выступает согласие адресата на получение не только порнографии, а в целом изображения или слов сексуального характера. Если же именно порнография была предоставлена без согласия адресата, то в данном случае наступает ответственность по статье 222-33-1-1 *Code pénal, которая находиться в Титуле* II «Посягательства на человеческую личность», главе II «О посягательствах на физическую или психическую неприкосновенность личности», разделе 4 «О сексистском и сексуальном оскорблении». Ключевым критерием преступности деяния в статье 222-33-1-1 является фактор навязывания *(le fait d'imposer)* слов или поведения сексуального характера. В контексте оборота порнографии это означает, что пересылка интимного файла или сообщения признается преступлением только в том случае, если она совершена против воли получателя.

В рамках французской концепции криминализация оборота порнографии наступает в силу ее навязывания лицу против его воли, либо создания условий для доступа к ним несовершеннолетних. Следовательно, французская модель, как и немецкая, демонстрирует более дифференцированный подход к определению пределов уголовного запрета, что также обусловлено характером «охраняемого интереса».

Обсуждение

Проведенный анализ российских подходов к непосредственному объекту ст.242 УК РФ позволяет констатировать, что противоречивое понимание непосредственного объекта преступления в виде преобладающей на данный момент позиции понимания непосредственного объекта ст.242 УК РФ как общественной нравственности в целом, а также иных позиций, относящих данный объект к «половой морали» или вовсе отнесение данного преступления к категории преступлений против половой свободы личности, выявляет существенную проблему широты уголовного правового запрета, выражающегося в необоснованной криминализации тех деяний, которые по своему существу не обладают общественной опасностью, о чем и говорит конструкция объективной стороны ст.242 УК РФ. Как говорилось ранее, то общество нравственность которого не считает порнографию негативным явлением не претерпевает вреда в случае ее оборота между членами этого общества. Следовательно, отсутствует материальный признак преступления – общественная опасность. Для решения данной проблемы, опираясь на изученный опыт Германии и Франции предлагается уточнить границы непосредственного объекта ст.242 УК РФ. В свою очередь непосредственным объектом данного преступления представляется считать также общественную нравственность, а не иной объект уголовно правовой охраны, поскольку это продиктовано системным расположением рассматриваемой нормы в рамках главы 25 УК РФ, а также исходя из ранее раскрытого этимологического и лингвистического смысла понятия «порнография», посягающая прежде всего на нравственные устои общества. Таким образом, предлагается конкретизировать непосредственный объект преступления через объективную сторону. Это обусловлено тем, что именно объективная сторона показывает, каким внешним поведением причиняется вред объекту. Перспективным представляется:

- Введение механизма согласия и (или) истребования порнографии со стороны получателя.

Необходимость такого механизма подтверждается сравнительно-правовым анализом, поскольку в Германии значение имеет критерий «истребования» (запроса) со стороны получателя, а во Франции критерий «навязывания» материала лицу против его воли. Это позволит на законодательном уровне очертить границы между обществом, нравственность которого защищается ст.242 УК РФ от общества, нравственность которого, наоборот не считает порнографию негативным явлением, что влечет в последнем случае отсутствие общественной опасности и, следовательно, необоснованного ограничения прав граждан. Данное изменение позволит гражданам самостоятельно формировать общества и определять его нравственность, а правоприменителю послужит критерием для отграничения случаев, обладающих общественной опасностью от иных, не являющихся таковыми.

Заключение

Проведенное исследование теоретических подходов и сравнительно-правовой анализ уголовных норм между Россией, Германией и Францией, регулирующие оборот порнографии, позволяют констатировать, что существующая в отечественной доктрине неопределенность в понимании непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст.242 УК РФ, негативно влияет на точность установления пределов уголовно-правового запрета. Установлено, что неопределенность непосредственного объекта ст.242 УК РФ выражается и в конструкции объективной стороны состава преступления, поскольку действующая норма фактически охватывает любой незаконный оборот порнографических материалов. Трактовка объекта через максимально широкую категорию «общественная нравственность» без учета воли участников оборота создает риски избыточной криминализации деяний, лишенных реальной общественной опасности. В то же время зарубежный опыт Германии и Франции демонстрирует более прагматичный подход, при котором уголовный закон защищает не абстрактные этические

нормы, а конкретные правовые блага: право на сексуальное самоопределение, психическое развитие несовершеннолетних и защиту личности от навязанного воздействия. Итогом исследования стали:

1. Непосредственным объектом преступления по ст.242 УК РФ следует признать общественную нравственность, однако ее содержание требует существенного уточнения через призму конституционного принципа соразмерности ограничения прав граждан. В отсутствие материального вреда или угрозы правам конкретных лиц оборот порнографии в частной сфере не должен влечь уголовную ответственность.

2. Сравнительно-правовой анализ показал высокую перспективность критериев «истребования» (запроса) и «навязывания» материалов, используемых в законодательстве Германии и Франции. Имплементация данных критериев в российское право позволит разграничить охраняемую законом общественную нравственность и нравственные стандарты малых групп или отельных лиц, добровольно выступающих в подобные отношения.

3. Предлагается уточнить границы непосредственного объекта ст.242 УК РФ посредством конкретизации объективной стороны состава преступления, закрепив механизм согласия и (или) истребования порнографического материала или предмета со стороны совершеннолетнего получателя. Отсутствие инициативы, запроса или согласия адресата должно выступать критерием признания оборота порнографии общественно опасным.

Литература

1. Головненков П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия = Strafgesetzbuch (StGB) : научно-практический комментарий и перевод текста закона / П. В. Головненков. — Потсдам : Universitätsverlag Potsdam, 2021. - 494 с.Демидов Н. В. Трудовое право: учеб. пособие для вузов / ред.-сост. Н. В. Демидов. М.: Издательство Юрайт, 2023. 203 с.
2. Гусарова М.В. Преступления, сопряженные с оборотом порнографической продукции: уточнение непосредственного объекта и частичная декриминализация // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2022. — Т. 13, № 1 (47). - С. 52–57.
3. Дайшутов М.М. К вопросу об объектах преступления, состав которого предусмотрен статьей 242 Уголовного кодекса РФ / М. М. Дайшутов, Ж. А. Бойцова, Л. Н. Ивлева // Современное право. - 2023. - № 12. - С. 115–119.
4. Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право : монография / И. А. Клепицкий. - Москва : Проспект, 2025. — 984 с
5. Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 2 т. Т. 2 : Особенная часть / А. В. Наумов. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва : Юридическая литература, 2004. - 832 с.
6. Новицкий А.А. Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства России и Франции // Вопросы студенческой науки. — 2020. — № 3 (43). - С. 207–210.
7. Ожегов С. И. Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс]. - URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17288 (дата обращения: 02.05.2026)
8. Фонштейн А. И. Уголовно-правовое противодействие современным формам оборота порнографии: теоретико-прикладное исследование : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.4 / А. И. Фонштейн ; Кубанский государственный университет. - Краснодар, 2026. - 326 с
9. Чирков Ф. В. Теоретические основы уголовно-правовой охраны традиционных российских духовно-нравственных ценностей : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 5.1.4 / Ф. В. Чирков ; Кубанский государственный университет. — Краснодар, 2025. — 35 с.
10. Чучаев А. И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : научно-практический / под ред. А. И. Чучаева. - Москва : Проспект, 2019. - 1536 с.
11. Шарапов Р. Д. Преступления против общественной нравственности : учебное пособие / Р. Д. Шарапов. - Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. - 124 с.
12. France. Code pénal : version consolidée au 11 juillet 2025 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.legifrance.gouv.fr/ (дата обращения: 07.09.2025).

The immediate object of crime in the illegal trafficking of pornographic materials or objects: a comparative legal study (Russia, Germany, France)

Kostin N.A.

Undergraduate student, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

The article examines the problem of defining the direct object of the crime under Article 242 of the Criminal Code of the Russian Federation, concerning the illegal production and circulation of pornographic materials. The author argues that understanding this object as public morality or sexual morality is excessively broad and uncertain. This uncertainty is also reflected in the objective element, which may cover almost any illegal circulation of pornography. Based on Russian doctrinal approaches, the article substantiates the need to define the limits of criminal prohibition, taking into account the principle of proportionality in restricting rights and freedoms. Attention is given to German and French legislation, where liability is linked not to the circulation of pornography as such, but to specific circumstances: absence of request or consent, imposition of sexualized content, and protection of minors. The article concludes that public morality may remain the direct object of Article 242, provided that its content is specified through the objective elements of the offence, including consent or request by an adult recipient.

Keywords: labor relations, labor law, etc. (5-10 words).

References

1. Golovnenkov P. V. Criminal Code of the Federal Republic of Germany = Strafgesetzbuch (StGB): scientific and practical commentary and translation of the legal text. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2021. 494 p.
2. Gusarova M. V. Crimes related to the circulation of pornographic products: clarification of the direct object and partial decriminalization // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 13, no. 1 (47). Pp. 52–57
3. Daishutov M. M., Boytsova Zh. A., Ivleva L. N. On the issue of the objects of the crime provided for by Article 242 of the Criminal Code of the Russian Federation // Modern Law. 2023. No. 12. Pp. 115–119.
4. Klepitsky I. A. New economic criminal law: monograph. Moscow: Prospekt, 2025. 984 p.
5. Naumov A. V. Russian criminal law: course of lectures: in 2 vols. Vol. 2: Special Part. 3rd ed., rev. and enl. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 2004. 832 p.
6. Novitsky A. A. Comparative legal analysis of the criminal legislation of Russia and France // Issues of Student Science. 2020. No. 3 (43). Pp. 207–210.
7. Ozhegov S. I. Ozhegov Explanatory Dictionary Online [Electronic resource]. Available at: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17288 (accessed: 02.05.2026).
8. Fonshtein A. I. Criminal law counteraction to modern forms of pornography circulation: theoretical and applied research: Cand. Sci. (Law) dissertation: 5.1.4. Krasnodar: Kuban State University, 2026. 326 p.
9. Chirkov F. V. Theoretical foundations of criminal law protection of traditional Russian spiritual and moral values: abstract of Dr. Sci. (Law) dissertation: 5.1.4. Krasnodar: Kuban State University, 2025. 35 p.
10. Chuchaev A. I. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: scientific and practical commentary / ed. by A. I. Chuchaev. Moscow: Prospekt, 2019. 1536 p.
11. Sharapov R. D. Crimes against public morality: textbook. Saint Petersburg: Saint Petersburg Law Institute, branch of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2022. 124 p.
12. France. Code pénal: version consolidated as of July 11, 2025 [Electronic resource]. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/ (accessed: 07.09.2025).